

Розанов и его учитель

Описывая судьбы русского славянофильства, необходимо коснуться истории взаимоотношений Николая Николаевича Стрехова и Василия Васильевича Розанова. Особый, «почвеннический», вариант отношений «учитель-ученик» дал необыкновенно глубокие результаты. Всего на несколько лет свела судьба двух философов русского «серебряного века», чтобы отчаявшийся педагог из глубинки, каким был Розанов в конце восьмидесятых годов девятнадцатого века, превратился в видного мыслителя. Духовная и литературная поддержка ученика много значила для Стрехова, ведшего острую полемику с радикалами различного толка, а Розанов благодаря своему «крестному отцу в литературе» сложился как зрелый мыслитель. И хотя ему не удалось преодолеть волну радикализма, захлестнувшую русскую интеллигенцию, а затем и всю страну, хотя современники не оценили Розанова, «исключив из литературы» многое из его наследия живо и по сей день.

Биография Василия Васильевича Розанова не обладала яркими особенностями: рано осиротев, будущий философ с двумя сёстрами и четырьмя братьями остался на иждивении старшего брата-студента. Семья жила в нищете, сам он учился в гимназии плохо, однако уже тогда стал интересоваться философией. В 4 классе гимназии он «*набросал ряд тезисов, связанных с собою (словом) «следовательно», во главе которых стояло положение «цель человеческой жизни есть счастье», а в конце, что безразрешенное необходимо»*. Первой философской книгой, прочитанной Розановым, был «Утилитарианизм» Джона Стюарта Милля. Далее он перешёл к творчеству Маколея, Гизо и Грановского, постоянно ссорясь с братом, бывшего сторонником Данилевского и Каткова. Гимназию В.В. Розанов закончил «совершенным нигилистом». Поступив в Московский университет, он испытал первый духовный перелом: уже с первого курса Розанов перестал быть атеистом. Саму учёбу в университете философ вспоминал так: «*я стал испытывать постоянную скуку ... скука родила во мне мудрость»*. Из преподавателей Розанов ценил весьма немногих, а свою первую книгу «О понимании» называл полемикой с Московским университетом на семистах страницах.

По окончании университета Розанов был отправлен в качестве учителя в Брянск, где в 1880 г. женился на Аполлинии Прокофьевне Суловой. Брак оказался крайне неудачный, а в 1886 г. последовал окончательный разрыв, так и не признанный, несмотря на многочисленные просьбы Стрехова, церковь. Эти перипетии оставили настолько глубокий след в душе Розанова, что все его творчество пронизано размышлениями над вопросами пола и «проклятой проблемой» брака.

В 1886 г. выходит первая книга Стрехова «О понимании». Этот труд не вызвал откликов среди читающей публики, что усугубило страдания философа. Ему прислали куль непроданных книг, а ещё один продали в Москве за 15 рублей на обёртку. Дабы заглушить неприятные воспоминания, Розанов переводится в глухой провинциальный Елец, «*... моя жизнь очень несчастлива»* пишет тогда Розанов и подумывает о самоубийстве. Ещё в январе 1888 г. он отправил первое письмо Н.Н. Стрехову (известному также под псевдонимами «Русский» и «Н. Косица»), в котором попросил его портрет и рассказал о себе. Завязалась переписка. После прочтения «О понимании» Стрехов всерьёз заинтересовался Розановым, оказал моральную поддержку и стал помещать его статьи в центральные журналы. Он отговорил молодого мыслителя от суицида и стал хлопотать о переводе Розанова в Санкт-Петербург.

В 1891 г. Розанов женится на Варваре Дмитриевне Бутягиной, став двоеженцем, что тогда могло повлечь ссылку в Сибирь. У них было пять детей, но как рождённые вне брака,

они не могли носить фамилию отца, а носили фамилию, производную от имени крёстного отца. Дочь Татьяну, родившуюся 22 февраля 1895 г., крестил Н.Н. Страхов, поэтому в документах она была записана как Татьяна Николаевна Николаева.

Весной 1893 г. стараниями Страхова Розанов получил место чиновника в Государственном контроле. Там он вошёл в кружок «живых славянофилов» — Н.Н. Страхова, Н.П. Аксакова, И.Ф. Романова (псевдоним Рцы), С.Ф. Шарапова, О.И. Коблица и Афанасия Васильева. Кроме того, вокруг Страхова сформировался ряд молодых поклонников: Говоруха-Отрок (Николаев), Ф. Шперк, В.В. Розанов и В.В. Николаевский. В этом кружке Розанов сформировался как писатель. Наибольшее влияние на него оказал Страхов, *«который в одном «я» совместил:*

1. *Философа-аналитика*
2. *Биолога*
3. *Литературного критика*
4. *Публициста*»

Розанов весьма ценил *«глубокий теоретизм его душевного склада»*, и манеру писать. По собственному признанию, Розанов так и не смог научиться править свои тексты, и Страхов часто брал на себя роль их редактора. Кроме того, у старшего товарища Розанов учился литературной критике, т. к. считал его, наравне с Аполлоном Григорьевым, гигантом «третьего течения» критики — научной критики.

По первоначально творческие отношения Страхова и Розанова сводились к обсуждению философских работ современников и взаимной похвале. Розанов, с пылом неопита критикующей западников, Соловьёва и Шпенгауэра, весьма импонировал своему корреспонденту.

Н.Н. Страхов на первых порах не воспринимал Розанова как глубокого мыслителя, а в письмах придерживался вежливых оборотов, сохраняя дистанцию. Положение изменилось после прочтения Страховым «О понимании», а особенно тёплыми их отношения стали после переезда Розанова в столицу, где 15 мая 1893 г. Страхов пригласил к себе домой Розанова; после этого в письмах Страхова к Розанову вместо эпитета «многоуважаемый» стал использоваться эпитет «дорогой». Это дало повод Розанову заметить: *«отсюда правило для моих критиков: "не всё в Р-ве так худо, как кажется в его сочинениях"»*.

В.В. Розанов не считал себя славянофилом, но был с ними идейно близок, поддерживал тесные связи. В 1910-х он радовался, что в Москве образовался новый кружок славянофилов, и движение приобрело второе дыхание. В его библиотеке видное место занимали книги Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова. Страхов неоднократно обращался к Розанову за поддержкой в спорах; так, в 1893 г. он просит написать небольшую статью в пользу славянофилов и против их оппонентов. Подобное взаимодействие продолжалось и далее.

В начале 90-х годов достигла своего апогея полемика между Вл. Соловьёвым и Страховым. По замечанию Шперка, Соловьёв был *«в высшей степени эстетическая натура, но вовсе не этическая»*. В ходе научных споров Страхов вёл очень корректную линию, убеждал, строил аргументы, в то время как Соловьёв, будучи «модным писателем» относился к спору менее серьёзно. В результате на стороне *«насмешника и оскорбителя»* остался *«шум победы»*. *«Истина победы»* доставшаяся Страхову, почти никак не была замечена. Страхов разделял отношение учителя к Соловьёву. Он не подавал ему руки и отзывался крайне презрительно. Постепенно образ Соловьёва всё более демонизируется, и Розанов пишет, что в его противника при зачатии, скорее всего, попал кусочек Антихриста, что привело к крайне пагубным результатам. Эта полемика очень характерна для всего движения славянофилов — очень порядочные, культурные, избегающие ярких эффектов, они не могли завоевать общественное мнение и склонить широкие читающие круги на свою сторону. Им также очень мешал ярлык «ретроградов», навешиваемый на них из-

за отсутствия в славянофильстве какого-либо радикализма, а также из-за внешнего сходства с теорией «официальной народности». Причины неуспеха славянофильства Розанов характеризует так: *«Во всём славянофильстве и бесчисленных его полемиках нельзя найти ни одной злобной страницы,— и бедные славянофилы только именно «вскрикивали», когда палачи — поистине палачи! — западнического и радикального направления жгли их крапивой, розгой, палкой, колом, бревном».*

Теоретические построения Н.Н. Страхова в области истории и в частности истории литературы, были позитивно восприняты Розановым, который чувствовал трагичность эпохи, непрочность Российской империи, катастрофическое ослабление её фундамента и глубокий кризис культуры.

Н.Н. Страхов в своём труде «Борьба с Западом в нашей литературе» разделил цикл развития русской литературы на пять этапов:

1. период восторга при знакомстве с Европой
2. период обмана
3. эра Пушкина
4. западники и славянофилы
5. нигилисты

Красочное описание той же схемы мы находим у В.В. Розанова в книге «О писателях и писателях» — после скептического описания *«подня»* рисуется картина, по краскам уже превосходящая «Апокалипсис нашего времени»: *«и вот всё рушилось... в безнадёжную бездну хаоса. Причина — семинаристы, тупые, злые, холодные. Равнодушные ко всему, кроме своей злобы... поднялась чёрная сплетня о том, кто кого «драл» и «кто дальше сидел в Шлиссельбурге»».*

Страхов, как и все славянофилы, глубоко чувствовал «неправду» приближающегося индустриального общества, и противопоставлял ему собственную систему ценностей. Это мироощущение воспринял от своего учителя и Розанов: *«какое-то тонкое и глубокое зло, которое мы не в состоянии различить, анализировать и понять, вошло в целый строй европейской цивилизации»* («Литературные очерки»). И дальше: *«Страхов говорил мне с печалью и отчаянием «Европейцы, видя во множестве у себя русских туристов, поражаются талантливостью русских и утончённым их развратом»* (Апокалипсис нашего времени).

Чувство ошибочности пути современной цивилизации Страхов, а за ним и Розанов выражали почти в каждом произведении. Наиболее ёмко выразился В.В. Розанов в «Литературных очерках»: «в европейской цивилизации есть какое-то странное искривление». С этим-то «искривлением» и боролись славянофилы, из-за него они призывали отойти от западной цивилизации. Характерно название одной из работ Страхова — «Борьба с Западом в нашей литературе». Это произведение вызвало большой резонанс у тогдашней мыслящей публики и принесло Страхову ещё большее уважение в славянофильских и умеренных кругах. Противники не без ехидства замечали, что само слово «литература» — западного происхождения, и борьба с Западом равнозначна борьбе с культурой и цивилизацией. Как это случалось и ранее, стороны остались при своём мнении.

Страхов подчёркивал, что *«отличительная черта русской литературы, и черта очень печальная — её очевидная искусственность».* Эта искусственность берёт начало от реформ Петра I, который бездумно заимствовал европейскую культуру вместе с имманентно скрытым в ней «искривлением». Страхов утверждал, что именно в событиях почти двухсотлетней давности скрыты корни страшного социального зла — нигилизма, что процесс вырождения русского православия был запущен Петром. Теперь, по его мнению, уже не в силах человеческих что-либо изменить, нигилисты похоронят культуру навсегда. Вся надежда была только на русский народ, ещё не тронутый просвещением. Розанов, приняв-

ший эту концепцию, испытывал, однако, большие сомнения относительно судеб русского народа. Он иронически описывает концепцию России как моста между Европой и Азией. Его главный вопрос, — что внесли русские в европейскую культуру? Сам Розанов отмечает только социалистов, коих в Европе и так довольно. В Азии роль России свелась к спаиванию бурят и к «обдиранию» Грузии и Армении. В философ 1917 г. увидел, что и народ вряд ли изменит судьбу России. Увиденное только утвердило Розанова в мысли, что Россию погубила литература. Начало «Апокалипсиса нашего времени» преисполнено отрицанием теории «народа-богоносца», причём особенно острые выпады достались Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому.

Розанов, как и Страхов, возлагал последние надежды на Бога, считая, что Россия должна перед расцветом пройти катарсис.

Дабы отдохнуть от Европы, Страхов много путешествовал, но некоторую самобытность ему удалось найти лишь в Турции. По результатам увиденного Страхов написал: *«Все народы теперь стремятся к политической самостоятельности, а когда её достигнут, принимают усиленно подражать Франции и Англии. Факт верный, что культура самостоятельно убывает при достижении политической самостоятельности»*. Такого рода политические взгляды Страхова не могли не повлиять на Розанова, который, однако, добавил к ним сарказм в отношении русского народа, неприемлемый для «чистого» славянофила. В частности, он так комментирует приведённый выше отрывок: *«они (русские) вообще ничего не умеют и предпочитают вообще ходить босиком, чем прилежно поучиться шить сапоги»*. С другой стороны, Розанов прекрасно понимает, что цивилизация к сапогам не сводится.

Наиболее полно понимали друг друга Розанов и Страхов в вопросах философии и религии. Страхов обладал в глазах Розанова высочайшим духовным авторитетом. Действительно, Страхов постоянно влиял на него: это влияние началось с того, что Страхов одним письмом отговорил Розанова от попыток свести счёты с жизнью. Страхов не пытался навязать свою точку зрения, но действовал примером. Розанов вспоминает, как его попытки резко возразить оппонентам на диспуте были пресечены учителем: «так много красоты в Евангелии всепрощения, и всякое отражение её на каждом человеческом лице, что, не убеждаемый нисколько доводами, смотря лишь на прекрасное лицо Страхова, я поддавался и предпочитал молчать, видя его гнев».

В.В. Розанова современники нередко обвиняли в двуличии. Наиболее неприятные последствия для него имела публикация его мыслей о Л.Н. Толстом, которого многие считали святым, и уж, по крайней мере, признавали его огромный духовный авторитет. Сам Розанов искал встречи с «яснопольским мудрецом», просил портрет, а при встрече целовал руку. Это не помешало ему в «Уединённом» обронить: *«Толстой прожил собственно голубоко пошлую жизнь»*. За это, и ряд похожих высказываний (вроде *«Толстой гениален, но не умён»*), литературный Петербург подверг Розанова остракизму.

Причина «двурушничества» Розанова заключалась в его исключительной манере мыслить — его книги пронизаны метаниями, даже структурно они напоминают собрание записок разных лет, мало связанных между собою. За такую манеру письма один из комментаторов назвал Розанова «журналистом». Страхов в своё время порицал розановскую привычку читать книгу с середины, часами не отходя от книжной полки или сидя на полу. 11 октября 1895 г. Страхов подарил своей портрет Розанову, а на обороте написал: *«Очень люблю я Вашу даровитость, Василий Васильевич, но боюсь, что из неё ничего не выйдет»*.

К любой проблеме Розанов подходил с разных точек зрения, часто получая взаимоисключающие результаты и нимало этим не смущаясь. Этот метод прослеживается и в его воспоминаниях о Страхове: несмотря на крайне уважительное к нему отношение, Розанов мог заметить: *«Страхов вечно точил и обтачивал чужие мысли, чужие идеи, чужие замислы и порывы. Вся его работа, на протяжении всей жизни и во всех разнообразных*

областях, где он трудился — биологии, механике, психологии, метафизике — критическая, без решимости и даже без желания творчества. И он всю жизнь «продумывал» чужие мысли, уча, наставляя и вечно читая сам». Такое высказывание не помешало Розанову в «Памяти усопших» назвать Страхова «вдумчивым критиком» и отметить, что как писатель, он имел много плодотворных идей. Правда, в отличие от Данилевского, у которого было две главные идеи, у Страхова нельзя выделить подобный лейтмотив.

В начале 1886 г. стало очевидно, что Н.Н. Страхов серьёзно болен. Некогда отличавшийся внушительным телосложением он исхудал и стал жаловаться на самочувствие. После долгих уговоров и сомнений он решил показаться врачам. Знаменитый уже тогда Склифосовский, оказавшийся учеником Страхова (он преподавал в Одесской гимназии), обследовав его, установил диагноз — рак, и в очень запущенной форме. Операцию проводил доктор Мультиановский. После операции Страхов почувствовал значительное облегчение, стал писать письма и даже обещал сходить в гости к В.В. Розанову.

В то же время умирает Ф.М. Достоевский, а 24 января, возвращаясь с панихиды по Достоевскому, Розанов обнаружил телеграмму: «*Страхов сегодня утром скончался. Первые панихиды хотят устроить в 12 часов. Ганзен.*» «*Так умирал и умер этот человек — лучший, какого я когда-либо знал*», напишет он впоследствии в «Литературных очерках».

Тяжело переживая кончину учителя, Розанов решает подвести итог его деятельности: он собирает некрологи, письма, статьи, имеющие отношение к Страхову. Впоследствии к ним прибавились материалы о Говорухе-Отроке (Николаеве). Так родилась книга «О литературных изгнанниках», законченная Розановым в 1913 г. Последним в книге Розанов поместил некролог из «Южного края», дав ему высокую оценку: «*Страхов выступил на литературном поприще в то самое время, когда обаянием моды пользовались идеи Чернышевского, Добролюбова и Писарева: ...и когда религия, государственность, мораль и эстетика предавались бесшабашному поруганию, во имя грубейшего материализма и разных социально-политических бредней. ...Страхов сразу воспротивился против себя крикунов нашего общественного недомыслия 60-х и конца 50-х годов и торжественно был провозглашен ими мистиком и ретроградом. ...Они и пробовали это делать (серьёзно бороться), но без малейшего успеха, ибо у них не было ни дарования, ни подготовки*». Именно так оценивал Розанов деятельность своего учителя. Вот что он написал в «Мыслях о литературе»: «*Всегда передо мною гипсовая маска покойного нашего философа и критика, Н.Н. Страхова — снятая с него в гробу... он не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и писал книги. — у меня душа мутится*». Да и сам Страхов, по собственному признанию, работал, чтобы противостоять «*чудовищному разрушению и всеобщему отрицанию, скептицизму и самоуверенной подвижности девятнадцатого века*». Розанов подчёркивает превосходство Страхова над торжествующими противниками: «*он (Страхов) счёл бы унижительным думать даже о министре внутренних дел, имея в думах лишь века и историю. Вот эта прелестная свобода не радикалов — к ним и мнит*».

По смерти старшего товарища у Розанова начался духовный кризис, из которого он не вышел до конца своих дней. Произведения о поле и браке были охарактеризованы Русской Православной церковью как «порнографические». За участие в «деле Бейлиса» и за «неудобные», как называл их автор, статьи о Л.Н. Толстом и В.С. Соловьёве Розанов был исключён из философских и литературных кружков. Постепенно охладевал Розанов и к почвенничеству, признавая, что сторонники западной парадигмы умеют достигать своих целей, в то время как славянофилы не ушли далее кабинетных разговоров. «*Начинаю всё русское ненавидеть...*»

Революция заставила его ещё раз пересмотреть свои взгляды. Радостное возбуждение и предчувствие скорых перемен сменились тревогой за будущее России, а затем и неподдельным ужасом перед разверзшейся пропастью. Считая, что Германия окончательно по-

бедела Россию, не видя выхода, Розанов констатировал: «глупые дети русские». К социалистам различных направлений он испытывал брезгливое отношение, при своих обширных знаниях и кругозоре не понимая, как можно руководствоваться такой примитивной идеологией. Испытывая смятение в душе от революционных потрясений, Розанов, однако сохранил ясность ума и присутствие духа. Он работал над книгами, не скрывая своих взглядов. Как-то раз, бродя с С.Н. Дурылиным по Москве, мыслитель зашёл в Московский Совет, и громко потребовал: *«Покажите мне главу большевиков — Ленина или Троцкого. Ужасно интересуюсь. Я — монархист Розанов».*

Во многих отношениях он повторил творческий путь учителя: не понятый и даже не прочитанный большинством современников, Розанов был оценен значительно позднее. В 1918 году вышла последняя книга Розанова «Апокалипсис нашего времени», полная, по выражению В.В. Зеньковского, *«очень острых, страшных формулировок».* Духовная эволюция привела его к отрицанию христианства и почитанию только Бога-Отца и Ветхого Завета. С религиозной темой очень тесно у Розанова переплелась общественно-политическая. Некоторые фразы из «Апокалипсиса нашего времени» являются почти неправдоподобно прощескими. Особое впечатление производит глава «La Divina Commedia»:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

В этой же книге содержится косвенное признание правоты Страхова, всю жизнь болевшего с радикалами. Признание, подтверждённое опытом: *«Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства, и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатства. ...Все гибнут, всё гибнет».*

«Запутался мой ум, совершенно запутался», говорил Розанов незадолго до смерти. В сентябре 1917 г. мыслитель переселился в Сергиев Посад, потому что в столице было небезопасно, и к тому же не хватало продовольствия. Семья жила в нищете, сын, поехавший за провиантом на Украину, умер по дороге, и Розанов зарабатывал на пропитание литературной работой. Его состояние быстро ухудшалось, и 5 февраля мыслитель умер в кругу семьи и немногочисленных учеников, в числе которых был П.А. Флоренский. Похоронили его, как он и хотел, «около монастырских стен», в Сергиевом посаде. На могиле был водружен крест с цитатой из «Апокалипсиса нашего времени», подобранной П.А. Флоренским: «праведны и истинны все пути Твои, Господи».